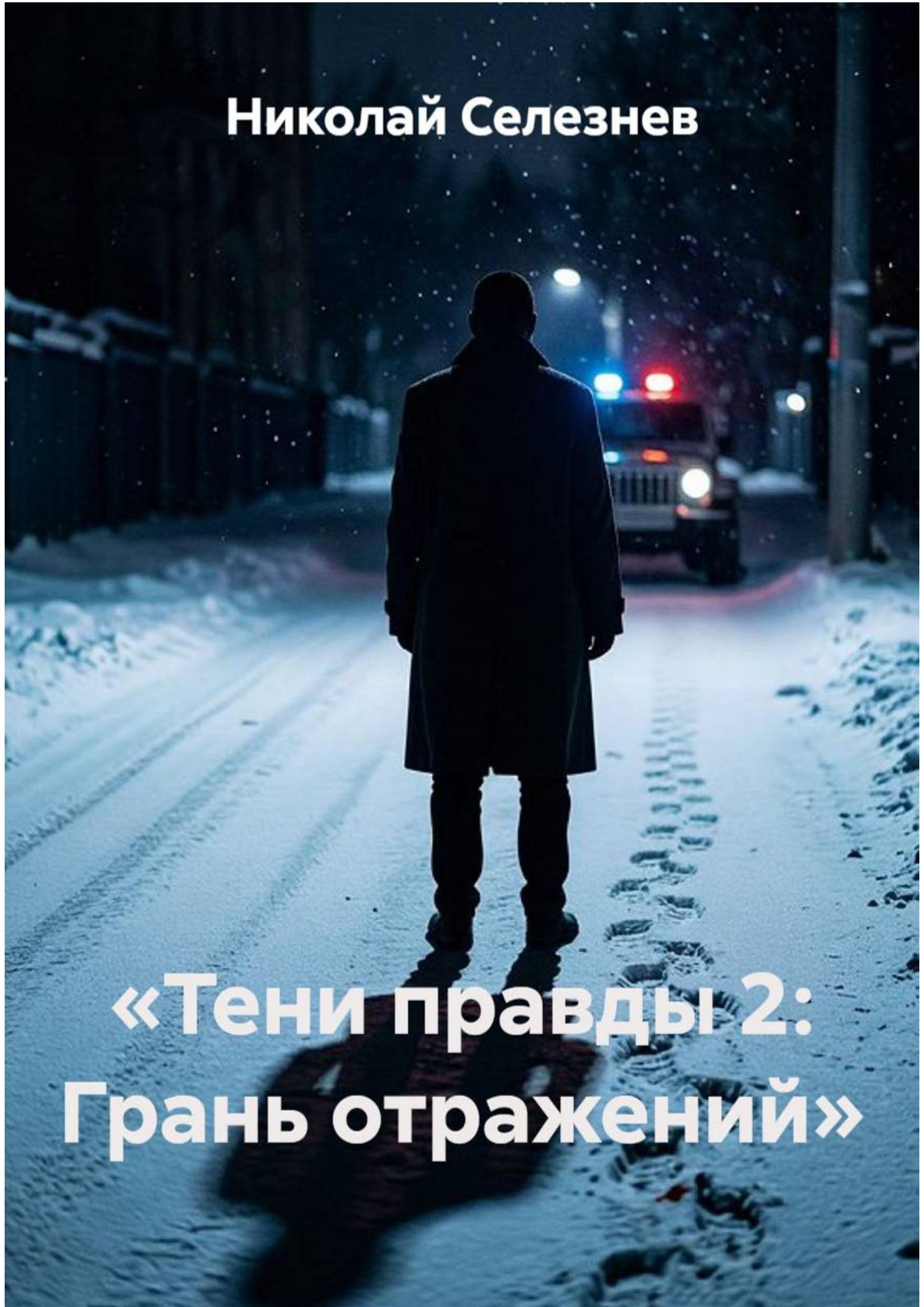

A movie poster for the Russian film 'Тени правды 2: Грань отражений'. The background is a dark, snowy street at night. A man in a long, dark trench coat stands with his back to the camera, looking down a path marked by footprints. In the distance, a police car with flashing blue and red lights is visible. The overall mood is mysterious and noir.

Николай Селезнев

**«Тени правды 2:
Грань отражений»**

Николай Селезнев

**«Тени правды 2:
Грань отражений»**

«Автор»

2026

Селезнев Н.

«Тени правды 2: Грань отражений» / Н. Селезнев — «Автор»,
2026

Четыре месяца назад они победили. Дело Костенко закрыто, сеть Громова разгромлена. Майор Ирина Соколова и капитан Артём Гришин думали, что можно выдохнуть. Они ошиблись. Полковник Воронцов собирает команду заново. За ржавой вывеской «НИИ Точной Механики» скрывается Шестой отдел — подразделение, которого не существует. Его задача — те, кого закон не может достать. Заместитель губернатора, исчезнувший с компроматом на федеральную трассу. Подпольные лаборатории. Боевые отравляющие вещества под кодовым названием «Феникс». Свидетели, которые умирают один за другим — ДТП, самоубийство, взрыв. Ирина идёт по грани — между долгом и чувствами к человеку, который запрещает себе чувствовать. Между справедливостью и методами, от которых тошнит. Между жизнью и смертью, которые здесь ходят рука об руку. Воронцов исчезает, когда победа близка. Оранжевый свет. Грохот. Машина — в кусках. Но его в ней не было. Дело живо, пока живы те, кто помнит.

© Селезнев Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Селезнев

«Тени правды 2: Грань отражений»

Все имена, фамилии и названия организаций в данной книге являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, событиями и организациями исключительно случайно. Книга основана на реальных событиях.

Тени правды 2: Грань отражений

Пролог

Четыре месяца назад.

Суд не закончился. Белозерский депутат, меценат, филантроп — сидел в СИЗО Лефортово. Депутатская неприкосновенность слетела, как лак с дешёвой мебели. Смирнов — разоблачён, арестован, даёт показания. Проект «Северное сияние» разобран по косточкам в четырёх томах уголовного дела.

Воронцов получил полковника — минуя подполковника. Ирине присвоили майора. Артёму — капитана. Газеты писали о «блестящей операции». Коллеги в коридоре здоровались с уважением, которого раньше не было.

Но победа была горькой. Павел Громов — юрист, который начал было помогать им, — «покончил с собой» в камере СИЗО. Сергей Волков — информатор Гордеева — убит «при невыясненных обстоятельствах». Семён Палыч — застрелен мотоциклистом на их глазах. Трое — мертвы. И никто не ответил за их гибель по-настоящему.

В последний день Воронцов гулял с Ириной и Машей в парке. Маша кормила уток. Воронцов, обычно сжатый, как пружина, был в тот день почти мягким. Купил Маше мороженое, хотя было холодно. Ирина запомнила, как он стоял у ограды парка, смотрел на дочь, потом на неё, и сказал:

— В Москву. Но я буду на связи. Всегда.

Он поцеловал ей руку. Потом сел в такси и уехал. Она стояла на тротуаре и смотрела, как чёрная машина растворяется в потоке.

Это было последним, что она от него слышала.

Глава 1. Шестой отдел

Часть первая. Призраки прошлого

Город, в котором Ирина Соколова прослужила несколько лет, в начале ноября выглядел уныло. Серое небо висело низко, деревья сбросили листву и торчали чёрными скелетами, мокрыми под дождём, который не прекращался третьи сутки. Лужи отражали фонари и разбитые фары машин. Всё это Ирина видела каждый день из окна кабинета, из окна кухни, когда по утрам варила кашу Маше. Ничего не изменилось. Только ощущение, что что-то кончилось, не отпускало.

Дело Костенко было закрыто. Казалось бы — победа. Но Ирина знала: это не конец. Она знала это с того момента, как в зале суда адвокат Белозерского встал и произнёс фразу, которая до сих пор звучала в голове, как заевшая пластинка: «Павел Громов... к сожалению, он покончил с собой сегодня ночью в камере СИЗО».

Молодой мужчина, без вредных привычек, без психиатрического анамнеза — и вдруг самоубийство. Ни вскрытия с независимым экспертом, ни расследования. Тело в морг, из морга в печь. Дело в архив. Чисто. Слишком чисто.

Ирина пыталась поднять вопрос. Гордеев ответил коротко: «Дело Громова — отдельное производство. Не лезь». Прокуратура затребовала материалы — и получила отписку: «Призна-

ков уголовного характера не обнаружено». ФСБ молчало. То есть не ФСБ вообще — а Воронцов.

Четыре месяца. Ни звонка. Ни сообщения. Ни короткого «я жив, не волнуйся». Тишина, плотная, как стена. Ирина не звонила — гордость не позволяла. Но каждый вечер проверяла телефон, и каждый вечер экран был пуст.

Маша спросила как-то за ужином:

— Мама, а дядя Коля приедет?

Ирина замерла с вилкой в руке.

— Не знаю, солнышко. Он очень занят.

— Ты по нему скучаешь?

— Да, — ответила Ирина. — Скучаю.

Артём переживал по-своему. Он не сидел ночами на кухне — он работал. Перебирал старые материалы, пытался найти нить, которая вела от дела Костенко дальше. Но нить обрывалась на Громе. Юрист, младший брат новосибирского авторитета, человек, который начал было помогать им, — исчез. По официальной версии — самоубийство в СИЗО. По неофициальной — его убрали. Но кто? И зачем?

Однажды Артём сидел в отделе, когда на пороге появился Гордеев. Полковник выглядел постаревшим.

— Гришин, брось ты это дело. Закрыто. Забудь.

— Товарищ полковник, Громов не покончил с собой. Вы это знаете не хуже меня.

Гордеев помолчал. Потом тяжело опустился на стул.

— Знаю. И Воронцов знал. Поэтому и уехал в Москву — копать. Но он не выходит на связь. Ни со мной, ни с кем. Если молчит — значит, копает глубоко. А если копает глубоко — значит, игра стоит свеч. Но мы тут бессильны. Жди, Гришин. Жди.

Звонок пришёл в среду, четырнадцатого ноября, в двадцать один тридцать семь.

Ирина лежала на диване. Маша уже спала. Телефон завибрировал на тумбочке. Номер — незнакомый, московский.

Она взяла трубку.

— Слушаю.

Пауза. Потом голос. Его голос. Хриплый, усталый, но живой.

— Соколова.

Ирина села. Сердце стукнуло так, что она услышала его в ушах.

— Где вы были? — спросила она. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

— Копал, — коротко ответил Воронцов. — Выезжайте в Москву. Оба. Ты и Артём. Завтра.

— Что случилось?

— Я нашёл то, из чего растёт всё дело. Не по телефону. Приезжайте. Я вас встречу.

Пауза.

— Ирина, я знаю, что четыре месяца — это долго. Но иначе было нельзя. Любой контакт — риск. Мой телефон могли прослушивать. Твой тем более. Одно слово — и они узнают, что я копаю. А если узнают — первая реакция будет не страх, а устранение. Всех, кто может подтвердить то, что я нашёл.

— Какое «то, что ты нашёл»?

— Приезжайте. Всё объясню. Билеты на обычный поезд, не на «Сапсан». Из Москвы не звони по рабочим телефонам. Адрес пришлю в зашифрованном сообщении.

Он повесил трубку. Ирина сидела в темноте, прижимая телефон к уху, в котором уже звучали короткие гудки. Четыре месяца тишины — и шесть секунд разговора. Она не знала, злиться или плакать. Сделала и то, и другое — тихо, чтобы не разбудить Машу.

Поезд из провинции приходил на Казанский вокзал в девятнадцать тридцать семь. Ирина проверила расписание трижды — не потому, что торопилась, а потому, что нервничала и не знала, куда деть руки.

Артём сидел напротив, на верхней полке, и читал детектив, купленный в киоске. Он не спрашивал, зачем они едут. Когда Ирина сказала: «Воронцов звонил. Едем в Москву» — он просто кивнул, собрал сумку и сел в поезд. Это было одной из причин, почему Ирина ценила его: он не задавал лишних вопросов, когда чувствовал, что ответы будут позже.

Поезд был обычный, плацкартный. Пахло углём, дешёвым кофе и чужими вещами. За окном мелькали серые поля, голые перелески, редкие огни деревень. Ирина смотрела в стекло и думала о Воронцове.

Четыре месяца. Ни слова. Она злилась — но не на него, а на себя. Он не обязан был звонить. Они не были в отношениях — или были? Один поцелуй руки в парке, одна прогулка с Машей, одно обещание «я буду на связи». Это не контракт. Но она ждала. И то, что ждала, раздражало её больше, чем его молчание.

Машу она оставила соседке — тёте Валентине, которая жила этажом выше. Маша не плакала. Обняла, поцеловала и сказала: «Передай дяде Коле, что я его помню». Ирина не ответила. Просто кивнула и вышла.

В Москву поезд пришёл по расписанию. Девятнадцать тридцать семь.

Холодный ноябрьский дождь со снегом превращал асфальт привокзальной площади в грязное зеркало. Суэта вокруг казалась бесконечной: таксисты перекрикивались, встречающие махали руками, потоки людей мельтешили под зонтами, не замечая друг друга. Ирина стояла чуть в стороне от этого водоворота — строгий плащ, собранные в тугий узел волосы, лицо, не отражающее ничего. Она словно существовала в собственном холодном пространстве, отрезанном от шума и суеты.

Рядом переминался с ноги на ногу Артём, ёжась от пронизывающего ветра. Он бросил очередной взгляд на часы, потом на Ирину, потом снова на часы.

— Мы опаздываем уже на пятнадцать минут, — наконец не выдержал он. — Это не похоже на него.

Ирина не ответила. Её взгляд скользил по площади, цепляя каждую деталь: вот женщина с ребёнком торопится к метро, вот таксист спорит с пассажиром у багажника, вот чья-то фигура замерла у колонны — слишком неподвижно для обычного прохожего. Но нет, просто мужчина разговаривает по телефону. Она мысленно отметила его и двинулась дальше, сканируя пространство с машинной методичностью.

Из общего потока машин вырвался чёрный матовый внедорожник «Тойота Ленд Крузер». Без номеров. Машина плавно затормозила прямо перед ними, и переднее тонированное стекло поползло вниз. В полумраке салона угадывалась фигура Воронцова. Он даже не повернул головы.

— Садитесь. Живо.

Ирина узнала его голос прежде, чем разглядела лицо. Четыре месяца она ждала этот голос — и сейчас, когда он прозвучал, первая мысль была не «наконец-то», а «что-то случилось». Голос был жёстче, чем она помнила. Сухой, рубленый, без единой лишней ноты.

Но на долю секунды — всего на долю — их взгляды встретились в зеркале заднего вида. И Ирина увидела: он тоже ждал. Четыре месяца. Каждый день.

Она обошла машину, открыла переднюю дверь. Не села — наклонилась внутрь, обняла его и поцеловала в губы. Коротко, крепко, с четырьмя месяцами тишины на губах. Воронцов замер на мгновение, потом обнял в ответ — одной рукой, коротко, как человек, который не умеет позволить себе большего на людях.

Артём стоял в трёх шагах, делая вид, что разглядывает расписание электричек на стене вокзала. Он всё видел. Он всё понимал. И был благодарен темноте, которая скрывала его лицо.

Ирина отстранилась. Села. Артём бросил сумку на заднее сиденье и сел сам, стараясь не смотреть ни на кого.

Щелчок центрального замка прозвучал, как точка в конце предложения.

Машина рывком тронулась с места, встраиваясь в плотный поток. Внутри пахло кожей, дорогим парфюмом и чем-то ещё — слабым, едва уловимым запахом оружейной смазки. Водительское место было отделено глухой перегородкой. Они отрезаны от водителя, и это было намеренно.

Артём нервничал. Его пальцы барабанили по колену, а взгляд метался по салону.

— Николай Николаевич, что происходит? Куда мы едем?

Воронцов наконец перевёл на них взгляд через зеркало заднего вида. Его глаза были холодны, как лёд, и в них не отражалось ничего — ни волнения, ни раздражения, ни интереса.

— Вы больше не работаете в старом управлении, — сказал он ровно, без паузы. — Ваши дела переданы. Ваше личное оружие изъято. С этой минуты ваши старые жизни аннулированы. Повисла тяжёлая пауза. Артём открыл рот и закрыл снова. Ирина подалась вперёд.

— Что это значит? — спросила она тихо, но в её голосе чувствовалась сталь.

— Это значит, что нас повысили или уволили? — попытался пошутить Артём, но голос его предательски дрогнул.

Воронцов кривил губы в подобии улыбки — не тёплой, не ободряющей, а скорее оценивающей, как у хирурга, который прикидывает, выдержит ли пациент операцию.

— Ни то, ни другое. Вас призвали на службу Родине. Реальную службу.

Джип свернул с оживлённой улицы в неприметный переулок и нырнул в арку старого здания дореволюционной постройки. Вывеска «НИИ Точной Механики» покрыта ржавчиной и наполовину сбита — явно никто её не менял уже лет двадцать. Во внутреннем дворе — пустырь и несколько служебных построек, выглядящих так, будто их забыли вместе с вывеской. Воронцов припарковался у входа в подвал. Железная дверь без опознавательных знаков.

Они спустились по бетонным ступеням. Воздух здесь был спертый, пах сыростью и озоном — запахом, который Ирина привыкла ассоциировать с серверными и закрытыми помещениями. Но вместо привычного коридора управления они попали в огромный зал с высокими потолками. Помещение явно недавно переоборудовали: по периметру стояли серверные стойки, гудели кондиционеры, на стене висела гигантская видеостена из шести синхронизированных панелей. Сейчас на них отображалась карта России с пульсирующими точками — красными, жёлтыми, изредка зелёными. Несколько человек работали за компьютерами, не поднимая голов.

За крайним столом сидела девушка — тонкая, стриженная, в худи и наушниках. Перед ней — три монитора, на экранах бегут строки кода. Она не подняла голову, когда они вошли. Пальцы летали по клавиатуре.

— Лера, — сказал Воронцов.

Девушка сдвинула один наушник, обернулась. Ирина увидела молодое лицо — лет двадцать, не больше. Острый взгляд, быстрые движения. Лера не улыбнулась, не поздоровалась — кивнула и вернулась к экранам.

— Валерия Орлова, — тихо сказал Воронцов. — Двадцать лет. Выросла в детском доме. Самоучка. В пятнадцать вскрыла школьную сеть, чтобы поменять себе оценки. В восемнадцать — взломала базу МВД, просто чтобы доказать, что может. Не украла ничего, не продала. Просто доказала. Её поймали, но не посадили — дали испытательный. Я нашёл её полгода назад. Она работала в компьютерном клубе, жила в общежитии. Сказал: «Мне нужен человек, который вскрыет любую сеть». Она ответила: «А если посадят?» — «Не посадят. Мы не существуем». Она согласилась на следующий день.

Ирина молчала. Детский дом, двадцать лет, хакер-самоучка. Воронцов набирал команду не из академий. Он набирал из тех, кого система выбросила.

Навстречу им вышел мужчина лет тридцати пяти. Простое, ничем не примечательное лицо из тех, что легко теряются в толпе. Но рукопожатие крепкое, сухое. Движения — экономные, выверенные. Не просто оперативник. Боец.

— Александр Савельев, оперативное обеспечение, — представился он. — Добро пожаловать в ваш новый дом.

— Дмитрий Савельевич, — поправил Воронцов. — Бывший командир группы «А». Десять лет в спецназе. Руководил штурмовыми операциями на Северном Кавказе. Полгода назад его подразделение расформировали — «оптимизация», «сокращение», «новая кадровая политика». Чуть не полсотни бойцов — профессионалов, с боевым опытом — выбросили на улицу. Савельев ушёл последним. Когда я предложил ему работу, он сказал: «Мне нужны мои люди». Я сказал: «Бери всех, кого хочешь». Он привёл двенадцать бойцов. Тех, кого увольняли. Тех, кому некуда было идти. Теперь это наша силовая группа.

Артём присвистнул.

— Двенадцать бойцов из «Альфы»? Это небольшая армия.

— Это не армия, — ответил Савельев. Голос был тихий, хриплый, как у человека, который привык отдавать приказы, а не разговаривать. — Это команда. Люди, которые прошли через одно и то же. Которых система выбросила, как использованные патроны. Мы знаем, что такое предательство. И знаем, что такое верность.

Воронцов продолжил представлять команду:

— Софья Ковалёва, тридцать два года. Бывший следователь прокуратуры. Ушла сама, после того как её перевели за дело против сына областного прокурора. Юридическое мышление — мне этого не хватает. Я могу найти преступника, но построить дело, которое не развалится в суде, — это её работа.

— Антон Бирюков, тридцать пять лет, криминалист-эксперт. Проводил экспертизу флешки Костенко в первом деле. Когда я позвонил, он не раздумывал: «Я еду. Только дайте лабораторию».

— Григорий Фокин, двадцать девять лет. Аналитик-криминолог, выпускник МГУ. Тихий, неприметный. Видит закономерности там, где другие видят хаос. Работает с большими данными — финансовые потоки, социальные связи, география преступлений.

Воронцов жестом пригласил всех к центру зала, где стоял стол с интерактивной картой города. Он постоял секунду, глядя на светящиеся линии улиц, потом заговорил — негромко, но так, что в зале стало тихо и даже клавиатуры перестали стучать.

— Четыре месяца назад мне предложили возглавить проект. Не управление. Проект. Автономный, независимый, с прямым финансированием. Цель — уничтожение системной коррупции и оргпреступности федерального уровня. Стандартные методы доказали свою неэффективность. Нам дали ресурсы, о которых другие могут только мечтать. Взамен потребовали одного: результат любой ценой.

Он сделал паузу, обводя взглядом команду.

— Я согласился. Но сказал, что мне нужны конкретные люди. Люди, которые не побоятся испачкать руки ради справедливости. Мне ответили: ищи сам. Я искал. И нашёл вас.

Артём побледнел. До него начало доходить масштаб происходящего — не словами, а тем, как гудели серверы, как молчали оперативники за мониторами, как Воронцов говорил о «результатах» и «грязных руках» без тени сомнения.

— То есть... мы теперь... вне закона? — выдавил он.

Воронцов посмотрел ему прямо в глаза. Без жалости, без угрозы — просто факт.

— Закон — это инструмент, Артём. Иногда тупой. Чтобы вырезать опухоль, нужен острый скальпель. Мы и есть этот скальпель. Нас нет. Если нас поймают — мы действовали по собственной инициативе. Если мы погибнем — нас похоронят в закрытых гробах под чужими именами.

Ирина слушала молча. Страх, который она испытывала минуту назад — там, в машине, когда щёлкнул замок, — теперь сменялся холодной решимостью. Она была права. Другого пути нет. Она давно это понимала, просто не хотела себе в этом признаться.

— Я в деле, — сказала она твёрдо.

Воронцов кивнул, словно иного ответа и не ждал.

— Отлично. Тогда приступаем к работе. У нас первое дело.

На главном экране сменились кадры оперативной съёмки. Заброшенный промышленный комплекс на окраине — разбитые окна, граффити на стенах, ржавые ворота. Здание выглядело мёртвым, но Лера уже кивала на что-то на своём мониторе, а Савельев сделал пометку в планшете.

Голос Савельева звучал ровно и профессионально — как у человека, привыкшего докладывать факты без эмоций:

— Поступил сигнал от анонимного источника. По нашим данным, в подвальных помещениях этого заброшенного завода функционирует подпольная лаборатория. Судя по химическим отходам, обнаруженным снаружи, производят синтетические наркотики нового поколения. Очень чистые, очень дорогие. Поставки идут по всей центральной России.

На экране появилась схема помещений — коридоры, комнаты, выходы. Савельев продолжил:

— Проблема в том, что объект принадлежит компании-пустышке, конечный бенефициар которой находится на Кипре. Обычная полиция туда не сунется — слишком много влиятельных покровителей. Но это наш профиль.

Воронцов развернулся к команде.

— Вопросы?

Вопросов не было. Все понимали: это их первый выход. Боевое крещение.

Дальше всё слилось в серый свет приборов ночного видения. Группа захвата в полной экипировке беззвучно двигалась по узкому коридору заброшенного завода. Ирина шла первой в её глазах — стальная уверенность, ни тени сомнения. Она показала жестами: «Объект слева». Бойцы заняли позиции.

Взрыв двери. Грохот. Крики «ФСБ! На пол!» — и тишина, которая наступает, когда сопротивление бессмысленно.

Внутри стерильная чистота, несовместимая с гниющим зданием над ней. Белые столы, колбы, вытяжные шкафы. Двое химиков в респираторах пытались разбить пробирки с реагентами — уничтожить улики, спасти себя. Григорий Фокин ловко блокировал их руки, перехватывая запястья с профессиональной точностью.

— Не так быстро, господа, — сказал он спокойно, снимая пробирку из трясущихся пальцев. — Нам понадобятся образцы.

Лера уже взламывала ноутбук, найденный на месте. На её мониторе мелькал код, строки бежали быстрее, чем обычный глаз мог уследить.

— Есть доступ к базе заказов, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Крупные партии уходили в регионы. Отправители зашифрованы, но маршрутизация идёт через один московский дата-центр.

Савельев координировал группы по радиии, и вдруг его голос изменился — стал жёстче, короче.

— Центр, у нас проблема. Объект «Химик» ликвидирован. Главный варщик принял цианид до того, как мы успели его допросить.

Воронцов мрачнел. Его челюсть сжалась, кулаки побелели, но голос остался ровным.

— Значит, кто-то предупредил их о рейде. Или... они всегда были готовы умереть.

Ирина подошла к экрану, изучая карту маршрутов. Накладные, даты, объёмы — всё расходилось с тем, что они только что увидели мёртвого химика и разбитую лабораторию.

— Подождите... — она прищурилась, водя пальцем по экрану. — Если главный варщик мёртв, кто же продолжает производство? Согласно этим накладным, поставки не прекращались ни на день.

Все взгляды устремились на неё. В зале повисла тишина — та самая, которая наступает, когда понимаешь, что задача только что стала в разы больше.

Воронцов медленно произнёс, и каждое слово падало, как камень в воду:

— У нас не одно гнездо. У нас целая сеть. И мы разворошили лишь верхушку айсберга. Экран погас. На нём осталась одна пульсирующая точка в другом районе Москвы.

Часть вторая. Цена правды

Воздух в подвале был пропитан запахом озона, остывшего кофе и бетонной пыли. Единственные звуки — мерный гул серверов и тихий, ритмичный стук клавиш.

На гигантской видеостене застыла карта Москвы. В центре пульсировала красная точка — место недавней операции. В остальном зал погружён в полумрак, и только голубоватый свет мониторов освещал лица оперативников за соседними столами.

Артём Гришин сидел за своим рабочим столом, но его монитор был выключен. Он невидящим взглядом смотрел на своё отражение в чёрном экране. Перед глазами стояла картина, от которой не получалось избавиться: глухой удар прикладом по колену задержанного, хруст, сдавленный крик. Человек был в наручниках. Он не мог сопротивляться. Он не мог убежать. Он мог только кричать.

Рядом, у окна, стояла Ирина Соколова. Она скрестила руки на груди и смотрела в темноту за стеклом. Не оборачивалась, но чувствовала его напряжение — кожей, каким-то звериным чутьём, выработанным годами работы в оперативке.

Артём резко встал. Его офисный стул с грохотом упал на бетонный пол. Звук удара эхом разнёсся по залу. Несколько оперативников за соседними столами на секунду оторвались от работы, но тут же вернулись к своим мониторам — они уже знали, что иногда здесь бывает громко.

Артём сделал несколько шагов к Ирине. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости.

— Ты видела это?

Ирина медленно повернулась. Её лицо — непроницаемая маска.

— Видела что?

— Не прикидывайся! — он почти кричал. — Ты видела, как они его... Он же был в наручниках! Это... это пытка!

Ирина сделала шаг ему навстречу. Её взгляд стал жёстким, стальным.

— Он бы ничего не сказал просто так. А нам нужна была информация. Срочно.

— Информация? — Артём выплюнул слово, как будто оно было горьким. — Какая информация? Главный варщик мёртв! Мы уже знаем, что это бесполезно! Мы просто... просто избили человека ради процесса!

— Ради результата! — Ирина повысила голос, и это было так непохоже на её обычный холодный тон, что Артём отшатнулся. — Это война, Артём! Не та, где есть правила! Они убивают тысячи людей своим товаром! Они купили половину управы в этом городе! И если для того, чтобы остановить их, нужно выбить пару зубов мелкой сошке — я это сделаю!

— Это не мелкая сошка! Это человек! — Артём почти задохнулся. — А Воронцов... он же... он же чудовище! Ты видела его глаза? Ему это нравится!

Ирина подошла вплотную. Их лица в сантиметрах друг от друга. Она говорила тихо, но каждое слово било наотмашь.

— Он делает то, что должен. Да, его методы жестоки. Но они работают. Или ты предлагаешь отпустить их всех с повесткой в суд? Чтобы через неделю они вышли под залог и открыли новую лабораторию?

Артём отступил на шаг. В его глазах больше не было ярости — только пустота и усталость, как у человека, который понял, что проиграл, но ещё не решил, сдаваться ли.

— Я не могу так... — он заговорил тише, почти шёпотом. — Я аналитик. Я работаю с фактами и цифрами. Я не подписывался на... на это.

Он обвёл рукой зал: серверные стойки, гудящие кондиционеры, видеостену с картой преступного мира.

— Я думал, мы будем ловить их по закону. Пусть и с некоторыми... послаблениями. Но то, что я видел сегодня... Я не могу быть частью этого.

Ирина смотрела на него с неожиданной мягкостью — почти с мольбой. Впервые за весь разговор в её голосе не было стали.

— У тебя нет выбора, Артём. Ни у кого из нас нет выбора. Мы все подписали бумаги. Нас нет. Если ты сейчас выйдешь за эту дверь и пойдёшь в прокуратуру жаловаться на Воронцова, тебя объявят предателем и сумасшедшим. Тебя просто не станет.

Она сделала паузу. Когда заговорила снова, голос дрогнул — едва заметно, но Артём это услышал.

— Пожалуйста... Ты мне нужен здесь. Твой ум. Без тебя я не справлюсь с этим потоком информации. Я... я не хочу оставаться здесь одна с ним.

Артём долго молчал. Он медленно наклонился и поднял упавший стул. Опустился на него, словно на скамью подсудимых.

— Я останусь...

Он смотрел в пол.

— Но я больше не хочу этого видеть. Я буду работать только с данными.

Ирина кивнула. Она понимала, что это единственное обещание, которое он мог сейчас дать и сдержать.

Воронцов подошёл к ним со спины так тихо, что ни Ирина, ни Артём его не заметили. Он смотрел на видеостену, где карта города сменилась фотографией — мужчина с уверенным лицом, дорогим костюмом и глазами, которые улыбались камере, но не улыбались вообще.

Воронцов положил руку на плечо Ирины. Она вздрогнула от неожиданности — и тут же взяла себя в руки.

— Отличная работа в поле, Ирина Викторовна, — сказал он ровно. — Аналитика подтверждает: сеть работает. Готовьте план операции.

Он ушёл в свой кабинет — стеклянную коробку в дальнем конце зала. Его силуэт виден за матовой перегородкой. Он говорил по защищённой линии, тихо и властно:

— Это Воронцов. Объект «Химик» нейтрализован. Сеть активна и ищет замену. Мы готовы к следующему этапу.

Пауза. Он слушал ответ, и его лицо не выражало ничего.

— Да. Я понимаю риски. Мы будем действовать по протоколу «Тень».

Он положил трубку. Посмотрел на папку с надписью «ГРОМОВ А.В.» на столе. Потом закрыл её и медленно провёл пальцем по обложке — жест, который мог бы показаться задумчивым, если бы не глаза. Глаза у Воронцова никогда не были задумчивыми. Они были расчётливыми.

В маленькой комнате, заставленной хромированными столами, микроскопами и колбами, пахло реагентами и стерильностью. Григорий Фокин, штатный криминалист, в белом халате и очках с толстыми линзами, колдовал над пробиркой. Он капнул в раствор бесцветную жидкость, и тот мгновенно стал ярко-оранжевым. Григорий вздохнул, снял очки и потёр переносицу.

— Ничего не понимаю... — пробормотал он, глядя на образец под микроскопом. — Это не органика. Это какой-то сложный полимер... или взрывчатое вещество нового типа. Я в этом как свинья в апельсинах.

Он взял рацию со стола.

— Ирина, это Фокин. Мне нужен химик. Срочно. То, что мы нашли в подвале... это не наш профиль. Это может быть опасно.

Лера оторвалась от своих мониторов. На ней были огромные наушники, из-под капюшона худи выбивались цветные пряди волос. Она говорила, не глядя на Ирину.

— Я уже работаю над этим. Пока вы там крушили стены, я взломала их почту. Заказчик требовал ускорить отгрузку «красной партии». В переписке есть кодовая фраза: «Проект "Феникс" вступает в финальную стадию». И ещё... они упоминали какой-то «Объект Б-7».

Лера кликнула мышкой, и на главной видеостене появилась карта с новой точкой на другом конце Москвы.

— Я отследила IP-адрес, с которого пришло последнее подтверждение оплаты. Это здесь. Какой-то логистический центр на окраине.

Ирина подошла к карте, скрестив руки на груди. Она смотрела то на одну точку — склад, который они только что накрыли, — то на другую — логистический центр, мерцающий, как новый нарыв.

— «Красная партия»... «Проект Феникс»... И новый химический состав, — произнесла она медленно. — Они не просто сменили лабораторию. Они меняют сам продукт.

Воронцов стоял у своего стола, изучая досье. Он не сел в кресло — стоял, напряжённый, как натянутая струна. Дверь кабинета открылась без стука. Вошла Ирина.

— Докладывай, — бросил он, не поднимая глаз.

— У нас проблема, Николай Николаевич. То, что мы уничтожили, было лишь частью картины. Лера нашла упоминания о «Проекте Феникс» и «красной партии». Заказчик требует новый продукт, и у них есть для этого ресурсы в логистическом центре на востоке города. И ещё... Григорий говорит, что новый состав — это не наркотик. Это может быть взрывчатка или боевое отравляющее вещество.

Воронцов медленно закрыл папку и положил её на стол. Он смотрел на Ирину тяжёлым взглядом.

— Значит, мы думали, что бьём по наркокартелю, а влезли в кое-что покрупнее. Отлично.

Он взял со стола ручку и начал крутить её в пальцах.

— Меняйте план операции. Первоочередная цель — «Объект Б-7». Выяснить, что такое «Проект Феникс». И найти мне этого химика живым. Любой ценой.

Он поднял на неё глаза.

— Ирина, я хочу, чтобы вы лично возглавили штурмовой отряд.

Ирина кивнула.

— Я поняла.

Она вышла из кабинета, оставив Воронцова одного в полумраке. Его взгляд скользнул к окну, за которым не было ничего — только бетонные стены подвала. Но он видел дальше стен. Он всегда видел дальше.

Ирина вернулась в общий зал. Она подошла к центральному столу с интерактивной картой города. Её голос звучал громко и чётко, перекрывая общий гул:

— Внимание всем! Операция «Химера» отменяется. Код угрозы повышен до «Красного». Наша новая цель — логистический центр на Перовской. Кодовое название — «Объект Б-7». Дмитрий, собирай группу захвата. Григорий, готовь снаряжение для работы с потенциально опасными химическими веществами. Лера...

Она посмотрела на хакера.

— ...мне нужно всё: схемы здания, график охраны, слабые места их сети защиты. У нас есть максимум шесть часов до того, как они поймут, что мы идём по их следу.

Артём оторвался от своего монитора. На его лице был написан ужас от осознания масштаба надвигающейся катастрофы.

— Ирина... Это уже не просто рейд. Это полноценная войсковая операция против неизвестно кого.

Ирина посмотрела ему прямо в глаза с холодной решимостью.

— Именно так, Артём. Добро пожаловать в Шестой отдел.

Часть третья. Объект Б-7

Огромное помещение склада было залито холодным светом промышленных ламп. Воздух густой, пахнет озоном, химией и пылью. Ряды высоких стеллажей уходили во мрак, и где-то в глубине, среди этой паутины металла, гудели промышленные реакторы из нержавеющей стали, соединённые паутиной стеклянных трубок.

У одного из реакторов сустились люди в белых защитных костюмах с капюшонами. Они похожи на призраков — безликие, бесшумные, подчинённые только процессу. В центре этой научной свистопляски — седой мужчина с лихорадочным блеском в глазах. Химик. Он колдовал над прозрачной колбой, в которой кипела ядовито-красная жидкость, и в его взгляде не было страха — только одержимость человека, который видит перед собой не опасность, а формулу.

Внезапно погасло основное освещение. Остались только тусклые красные лампы аварийного выхода. Сирена не завывала — это было странно, неправильно, и именно эта тишина сказала Ирине больше, чем любой сигнал.

Химик замер. Он медленно повернулся к главному входу на склад. Его глаза расширились — он видел силуэты людей в чёрной тактической форме, которые бесшумно появлялись из коридора, словно тени.

— ФСБ! Всем лежать! Работаем! — рявкнул голос Савельева из-под балаклавы.

Оперативники ворвались на склад, беря под контроль периметр. Двое бойцов мгновенно скрутили техников в защитных костюмах, валя их лицом в холодный бетонный пол. Те не сопротивлялись — они были учёные, а не бойцы.

Но химик реагировал молниеносно. Не выпуская дымящуюся колбу из рук, он бросился не к выходу — к большому ржавому рубильнику на стене рядом с главным реактором.

— Нет! Не дайте ему... — крикнула Ирина, но уже поздно.

Химик дёрнул массивный рычаг рубильника вниз. Раздался оглушительный механический лязг, перекрывший даже гул реакторов. Из сопел, встроенных в потолок над всем складом, начал с шипением выходить густой, плотный белый пар. Система пожаротушения — но не обычная.

— Газ! Маски! — скомандовал Савельев.

Бойцы рефлекторно натянули дыхательные маски. Григорий Фокин, стоявший ближе всех к выходу, сорвал крышку со своего металлического кейса.

— Назад! Все назад! — заорал он, и в его голосе впервые за всю операцию звучала настоящая паника. — Это не вода! Термобарическая смесь! Сейчас жажнет!

Группа захвата отступила к дверям, таща за собой задержанных техников. Ирина схватила химика за воротник его грязного халата и толкнула перед собой к выходу. Он не сопротивлялся — кашлял, задыхался, но из его глаз не исчез тот лихорадочный блеск, словно он был доволен тем, что происходило.

Выбежав из облака пара, группа оказалась в относительной безопасности коридора. Бойцы стаскивали маски, жадно глотая воздух. Григорий тяжело дышал, его очки запотели так, что он ничего не видел.

— Что там было? — спросил один из бойцов, всё ещё тяжело дыша.

— Взрывчатка нового типа, — выдохнул Григорий, протирая линзы рукавом халата. — Или бинарный яд. Я успел взять пробы, но... — он посмотрел на дверь склада, откуда продолжал валить пар, оседая мелкой белой пылью. — ...анализировать будет нечего. Там теперь стерильно, как в операционной.

Ирина отпустила химика, который тут же упал на колени, заходясь в приступе кашля. Она подошла к Григорию.

— Продукт?

Григорий показал ей небольшой контейнер, внутри которого переливалась та самая красная жидкость из колбы.

— «Красная партия». Одна капсула. Больше не успели вытащить.

В это время в штабе Артём сидел перед стеной мониторов. Сигнал с нашлемных камер бойцов пропал, сменившись серой рябью помех. На одном из экранов мигало красным: «ПОТЕРЯ СВЯЗИ С ГРУППОЙ».

Его пальцы зависли над клавиатурой. Он слышал в гарнитуре лишь треск статики. Сердце колотилось где-то в горле.

Они живы? Что там происходит?

Он пытался связаться — вызывал Ирину, Савельева, кого угодно. В ответ — тишина. Только белый шум, как в мёртвом эфире.

Прошла минута. Две. Из-за двери склада больше не шёл пар. Наступила звенящая тишина — такая, какая бывает после взрыва, когда всё уже кончилось.

Савельев осторожно приоткрыл дверь. Сквозь щель видно: огромное помещение заполнено густым туманом, который оседает мелкой белой пылью на полу. Реакторы мертвы и молчаливы.

— Чисто, — сказал он. — Но нам нужно уходить. Сейчас.

Группа быстро покинула здание через тот же технический вход. Последней выходила Ирина. Перед тем как уйти, она обернулась и посмотрела на закрытую дверь склада. Внутри идеальный порядок и смерть всего живого.

Фургон нёсся обратно по московским улицам. Внутри царило молчание, нарушаемое лишь тяжёлым дыханием уставших людей. Артём видел на карте, как мигающая точка фургона движется к базе, и каждый метр этой траектории означал, что они живы. Пока живы.

Наконец в эфире раздался хриплый голос Ирины:

— Артём, приём. Мы возвращаемся. Операция завершена.

Артём с облегчением выдохнул, но чувство тяжести в груди не проходило. Он только что стал свидетелем идеальной ликвидации. Без суда, без следствия. Просто пшик аэрозоля — и проблема решена.

Эхо в пустоте

Прошло двенадцать часов. Напряжение после операции на «Объекте Б-7» спало, оставив после себя свинцовую усталость. В зале тихо. Бойцы группы захвата дремали в креслах, откинув головы. Григорий Фокин спал прямо за своим столом, уронив голову на руки, и его очки съехали на кончик носа.

Артём Гришин смотрел на экран своего монитора. На нём — отчёт о ликвидации. «Красная партия» уничтожена. Химик даёт показания в изоляторе. Дело закрыто.

Но чувства завершённости не было. Было другое — ощущение, что они лишь переступили порог чего-то гораздо большего, и дверь за спиной уже закрылась.

Воронцов стоял у окна, глядя на вечернюю Москву. Он не оборачивался, но его голос звучал чётко в тишине:

— Закройте это дело. И немедленно открывайте новое.

Ирина, которая до этого молча пила холодный кофе, медленно повернулась к нему.

— Николай Николаевич, мы только что вернулись. Люди на ногах не держатся.

Воронцов наконец повернулся. Его взгляд был тяжёлым — не злым, не усталым, а каким-то другим. Озабоченным, что ли. Ирина видела такое выражение у него впервые.

— У нас нет времени на отдых. Час назад мне на стол легла вводная из центрального аппарата. В Новосибирске исчез заместитель губернатора. Вышел из дома утром, сел в служеб-

ную машину и... растворился. Местные службы безопасности на ушах. Официально — похищение с целью выкупа.

Он сделал паузу и подошёл к главной видеостене. На ней появилась карта России, затем зуммировалась до одного из регионов.

— Неофициально... — он кликнул по файлу, и на экране появилось досье. — Он вез с собой компромат. Папку с документами, которые должны были лечь на стол в Москве сегодня вечером. Документы о хищениях при строительстве федеральной трассы. С именами. Очень громкими именами.

Воронцов посмотрел прямо на Ирину.

— Это наш профиль. Мы вылетаем в Новосибирск через два часа.

Он развернулся и пошёл к своему кабинету.

— И да, Ирина... Найдите мне этого чиновника. Живым.

Дверь его кабинета закрылась с тихим щелчком.

Артём посмотрел на Ирину. В её глазах больше не было той холодной решимости, какая была после штурма склада. Теперь там появился новый, пугающий блеск — азарт гончей, взявшей след.

Она взяла рацию.

— Дмитрий, поднимай группу. У нас вылет через два часа.

Артём смотрел на карту, на мигающую точку в Новосибирске — промышленном городе, где местная власть давно забыла слово «закон». Он понимал, что их война не закончилась со штурмом склада.

Она только началась.

Глава 2. Пропавший губернатор

Часть первая. Паутина

Бизнес-джет пробил низкую ноябрьскую облачность над Новосибирском и лёг на глиссаду. За иллюминатором — бескрайняя белая тайга, изрезанная чёрными нитями рек, и сам город, распластанный по обоим берегам Оби: серый, промышленный, огромный. Сверху он напоминал механизм, в котором шестерёнки ещё вращались, но масло давно высохло.

Воронцов сидел в кресле напротив Ирины. Не спал, не читал — смотрел в иллюминатор. Лицо неподвижное, но Ирина знала: за этой маской работала мысль, и работала быстро. Он уже был здесь — не телом, а головой. Он уже копал.

Ирина тоже не спала. Четыре часа полёта — и ни слова между ними. Не от холода, не от обиды. Просто оба понимали: то, что они начинали здесь, не терпит разговоров. Это была работа. Всё остальное — потом.

Артём дремал на заднем ряду, привалившись головой к иллюминатору. Фокин, напротив, не спал — он возился с чем-то в своём кейсе, перебирая пробирки и приборы, которые всегда возил с собой, как хирург — скальпели. Лера сидела впереди, в наушниках, и стучала по клавиатуре — она работала всю дорогу, взламывая что-то, что Ирина даже не пыталась понимать.

Самолёт коснулся полосы. Встряхнуло. Двигатель взревел на реверсе, сбрасывая скорость. За бортом — мокрый снег и серое небо, казавшееся продолжением асфальта.

На лётном поле их встречал капитан Елисеев — молодой офицер местного УФСБ, лет тридцати, с обветренным лицом и тревожными глазами. Он бежал к самолёту, прижимая планшет к груди, и ветер трепал полы его короткой куртки. Из рта шёл пар.

— Товарищ полковник! Капитан Елисеев! Группа на месте! — крикнул он, перекрывая шум ветра и турбин.

— Докладывайте по существу, — сказал Воронцов, не протянув руки. — Машина? Свидетели?

Елисеев сглотнул, раскрыл планшет.

— Объект — Синицын Вячеслав Петрович, заместитель губернатора Новосибирской области. Выехал из дома в восемь пятнадцать. Служебный «Лексус», личный водитель. Маршрут — обычный, из дома на работу. Вот здесь, — он ткнул пальцем в карту, — на Красном проспекте, у памятника Гоголю, «Лексус» последний раз попал на камеру. Сворачивает на улицу Богдана Хмельницкого — и всё. Исчезает.

— Маяк? — спросила Ирина.

Елисеев замялся. Это было заметно — он отвёл взгляд, почесал затылок.

— Маяк был. Стандартный, встроенный в служебную машину. Но сигнал пропал ровно в той точке, где машина исчезла с камер. Как будто... включили глушилку.

Воронцов посмотрел на Елисеева долгим взглядом. Тот выдержал — но с трудом.

— Это не похищение, — сказал Воронцов. — Это перехват. Слишком чисто. Похитители знали маршрут, знали маяк, знали, где камеры слепая зона. Это не случайность и не улица. Это спланированная операция. Где штаб?

— Мы разместим вас в... — начал Елисеев.

— Нет, — перебил Воронцов. — Нам нужен не гостиничный номер. Нам нужен доступ ко всем камерам города. Всем базам данных. И отдельное помещение, где нас никто не побеспокоит. Вопросы?

Елисеев замотал головой. Вопросов не было. Он и так выглядел так, словно его ударили по голове — слишком много всего, слишком быстро, слишком серьёзные люди.

Чёрный микроавтобус без номеров вёз их по городу. За окном мелькали серые фасады, сугробы, редкие пешеходы, застёгнутые до подбородка. Новосибирск в ноябре не приглашал к прогулкам — он скорее предупреждал: не задерживайся.

В салоне было тепло и тихо. Воронцов изучал планшет, листая данные, которые Елисеев передал ему на борту. Ирина смотрела в окно, но видела не город — она видела схему. Красный проспект. Памятник Гоголю. Улица Богдана Хмельницкого. Поворот. Слепая зона. Машина исчезает.

Артём, сидевший позади, наклонился к ней.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил он тихо.

— Когда работа сделана, — ответила Ирина, не отрывая взгляда от окна. — А она никогда не бывает сделана до конца.

Она бросила взгляд в зеркало над своим сиденьем. Воронцов смотрел в планшет, но в отражении стекла его глаза на секунду встретились с её. Ничего не сказал. Опустил взгляд обратно. Но Ирина заметила — уголок его губ дрогнул. Еле заметно. Он помнил.

Штаб развернули в помещении бывшего НИИ на окраине — Елисеев нашёл быстро, знал город. Здание с советских времён, полупустое, с надёжной связью и отдельным входом. Не идеал, но работать можно.

Через час на видеостене ожила карта Новосибирска. Точки, линии, маршруты. Лера уже сидела за мониторами, взламывая городские системы видеонаблюдения. Фокин возился с пробами, привезёнными из Москвы. Савельев проверял снаряжение группы в соседнем помещении, готовясь к возможному выходу.

Воронцов стоял перед экраном. Ирина и Артём — рядом.

— Значит, так, — сказал Воронцов. — Синицын — не жертва. По крайней мере, не только жертва. Человек, который вёз компромат на стройке федеральной трассы, не может быть случайным пассажиром. Он либо знал, что его перехватят, либо не знал — и тогда те, кто его взял, знали заранее.

Он повернулся к Лере.

— Что есть по Грозову?

Лера не обернулась. Пальцы летали по клавиатуре, но голос звучал ровно, как у автомата, выдающего данные:

— Антон Вадимович Громов. Сорок один год. Новосибирск. Бизнесмен, филантроп, меценат. Владелец группы компаний «Громов-Групп». Благотворительный фонд «Будущее». Спонсирует половину местных телеканалов, два лицея, краеведческий музей и детскую больницу. Входит в попечительский совет трёх университетов. Человек года по версии регионального Forbes — три года подряд.

Она кликнула мышкой. На экране появился глянцевый портрет: мужчина с уверенным лицом, дорогим костюмом и глазами, которые улыбались камере, но не улыбались вообще.

— Это не человек, — сказала Лера. — Это бренд.

Артём, уже погружённый в свою стихию, выводил на экран графики и таблицы.

— Смотрите. Фирма «Сибирь-Инвест» получает контракт на строительство участка федеральной трассы. Сумма — два миллиарда. Через три месяца фирма ликвидируется. Деньги уходят транзитом через три промежуточные компании и оседают на счетах «Громов-Групп» в офшоре на Кипре. И так — четыре раза за последние два года. Одна и та же схема, разные фирмы-однодневки, один и тот же конечный бенефициар.

Ирина подошла ближе, вглядываясь в схему.

— Он создаёт проблему и сам её решает, — сказала она. — Строит больницы на месте снесённых парков. Жертвует на образование, пока его фирмы разоряют бюджет. Классика.

Она переключила экран. Видеоряд: Громов на открытии больницы — жмёт руку губернатору, режет красную ленту, улыбается. Потом благотворительный бал. Громов танцует вальс с известной актрисой. Вокруг весь свет города. Все улыбаются. Камера наезжает на его лицо — и Ирина видит: он не танцует с женщиной. Он танцует с городом. Ведёт. Контролирует.

— Культ личности, — подытожил Воронцов. — Он покупает лояльность. Любовь. Уважение. Он их царь и бог. Но мы его тронем.

Он подошёл к карте вплотную. Палец скользнул по точкам.

— Логистический центр на Перовской... стройка трассы... старый литейный завод на окраине... Все три объекта связаны с «Громов-Групп». Все три — точки, где могут храниться документы, деньги или люди.

Он повернулся к команде.

— Гришин. Мне нужен полный финансовый след. Все счета, все переводы, все связи. Лера — взломай его корпоративную сеть. Письма, внутренние документы, всё, до чего дотянешься.

Артём кивнул. Пальцы уже летали над клавиатурой. Лера сдвинула наушник молча, без вопросов — и вернулась к экранам.

Воронцов посмотрел на Ирину.

— Мы ударим по Громову. Разрушим его империю здесь. Но сначала — Синицын. Живым. Он ключ.

Новосибирск жил своей жизнью, не зная, что в одном из серых зданий на окраине решается его судьба.

На главной улице — Красном проспекте — тёк людской поток. Суета, пробки, снег, слякоть. Такси с номером 766 на борту остановилось у входа в бизнес-центр «Сибирь-тауэр». Из него вышел Антон Громов.

Он не смотрел на прохожих. Не замечал охрану, которая шла за ним на расстоянии трёх шагов. Он был погружён в свои мысли — глубоко, как человек, который просчитывает партию на десять ходов вперёд.

В лифте он достал телефон. Набрал номер. Ждал.

— Я же сказал: никаких следов быть не должно, — произнёс он тихо, когда на том конце подняли трубку. — Да, я видел сводки из Москвы. — Он усмехнулся — коротко, сухо, как отрезал. — Пусть думают, что ищут. Я знаю, что делаю. Просто делай свою работу и не задавай вопросов.

Он сбросил вызов. Лифт открылся. Громов вышел в свой кабинет — панорамные окна, восемнадцатый этаж, вид на весь город. Снег ложился на карниз, но за стеклом было тепло и тихо. Он постоял у окна, сложив руки за спиной, и смотрел на город внизу. На машины, которые казались муравьями. На людей, которые казались пылью.

Его лицо было абсолютно спокойно.

В коридоре местного УФСБ двое сотрудников пили кофе из бумажных стаканчиков. Подполковник — седой, усталый, с мешками под глазами — и майор, помоложе, с живым взглядом и смартфоном в руке.

— Слышал? — сказал подполковник. — Московские приехали по Синицыну.

— Говорят, звери, — отозвался майор. — Воронцов у них главный. Из тех, кто не церемонится.

— Будь осторожнее, — предупредил подполковник. — У Громова везде уши. Везде. И в нашем управлении тоже.

Майор пожал плечами, но замолчал — посмотрел на телефон. Потом тихо, почти про себя:

— Приглашают на новогодний корпоратив. Бесплатно.

Подполковник медленно повернулся к нему. Майор осёкся под его взглядом — и допил кофе молча.

Через три часа Артём вскочил со стула так резко, что оно откатилось к стене.

— Есть! — он развернул экран к команде. — Нашёл! Синицын — не просто жертва. Он партнёр Громова. Конечный бенефициар контракта на строительство трассы — не только Громов, но и Синицын! Громов использовал его административный ресурс, связи в правительстве региона, а Синицын получал процент через цепочку офшоров.

Ирина подошла ближе, глядящаясь в схему.

— То есть он не пропал... Он сбежал?

Артём покачал головой. Вывел банковские выписки на экран — столбцы цифр, даты, суммы.

— Нет. Два дня назад пришёл перевод на личный счёт Синицына в Цюрихе. Крупный. Очень крупный. Похоже на выкуп самому себе. Или на оплату за бегство.

Воронцов нахмурился.

— Бессмыслица. Если он партнёр, зачем его похищать?

Артём открыл ещё одно окно. Запись с камеры наблюдения — зернистая, мутная, но различимая. Тёмный гараж. «Лексус» Синицына. Дверь открыта. Рука в чёрной перчатке хватает человека внутри за волосы — это Синицын, его лицо видно на секунду, разбитое, в крови. Удар ладонью — голова падает набок. Человек в перчатке выходит из кадра. Экран гаснет.

Тишина в зале стала физически ощутимой.

Воронцов медленно произнёс:

— Его похитили свои. Он хотел выйти из игры — а выйти из игры нельзя.

Часть вторая. Лицо врага

Огромное холодное помещение. Пахнет машинным маслом и пылью. Где-то в углу капает вода — мерно, как метроном. Единственный источник света — тусклая лампочка под потолком, бросающая жёлтый круг на бетонный пол.

В центре этого круга, привязанный к металлическому стулу, сидит Синицын. Его лицо — месиво: разбитая губа, заплывший глаз, засохшая кровь на скуле. Пиджак разорван, рубашка растёгнута. Он дышит тяжело, хрипло, и каждый вдох отдаётся свистом — похоже, сломано ребро.

Перед ним стоит человек в чёрной маске. Крупный, широкоплечий, в перчатках. Именно его рука — та самая, с камеры — была чиновника. Он стоит неподвижно, ждёт.

Звонит мобильный телефон. Громила достаёт его из кармана, отвечает.

— Да, шеф. Сделали. Запись отправили. Он готов говорить... — пауза, он слушает. — Понял.

Кладёт трубку. Поворачивается к пленнику. Нагибается, хватая за подбородок, заставляет смотреть себе в глаза.

— Ну что, Витёк? Готов сотрудничать? Или повторить урок?

Синицын издаёт звук — не то стон, не то попытку слова. Кивает. Он готов. Он готов на всё.

В другом конце города, в роскошном кабинете с панорамным видом, Антон Громов сидел за столом. Напротив него — Виктор Хмель, его правая рука. Бывший силовик, бывший офицер спецназа МВД, ныне — решатель задач, которые нельзя решить легально. Лицо Хмеля — квадратное, с тяжёлой челюстью и холодными глазами, которые никогда не моргали. Он сидел неподвижно, как каменный, и ждал.

На столе — разложены карты города, схемы, фотографии. Громов потягивал дорогой коньяк из бокала, не торопясь. Он был спокоен — пугающе спокоен для человека, в его городе исчез заместитель губернатора.

— Московские начали копать, — сказал Хмель. Его голос был ровный, без эмоций, как отчёт. — Их аналитик — Гришин — уже вышел на финансовые потоки. Они знают о Вене. Знают о «Громов-Групп».

Громов отпил коньяк. Поставил бокал. Улыбнулся — не широко, не весело, а как человек, который слышит хорошую новость.

— Отличная работа, — сказал он. — Значит, они умнее, чем я думал. Но это ничего не меняет.

Он встал, подошёл к окну. Город внизу жил — машины, огни, движение. Громов смотрел на него, как хозяин смотрит на своё хозяйство.

— Мой план работает именно потому, что они считают меня просто вором. Они ищут деньги. А я ищу власть. Деньги — это средство. Власть — цель. Пока они будут тратить время на обыски в логистическом центре и бегать по моим фирмам-однодневкам, мы закончим проект «Феникс».

Он обернулся к Хмелю.

— А этот идиот Синицын? Пусть сидит. Он отличный отвлекающий манёвр. Пока московские ищут его, они не смотрят туда, куда нужно. Когда Синицын даст им то, что они хотят услышать — про меня, про мои счета, про мои фирмы — они успокоятся. Думают, что нашли голову. А голова — не я. Голова — тот, кто стоит за мной. И они до него не доберутся никогда.

Хмель кивнул. Он не задавал вопросов. Не потому что не умел — потому что знал: вопросы здесь не приветствуются.

Громов вернулся к столу, допил коньяк.

— Сделай так, чтобы московские нашли Синицына. Через день-два. Когда уже будут на взводе. Пусть найдут, пусть допросят, пусть радуются. А мы за это время перевезём «Феникс» на новое место. Подальше от их носов.

Ночь. Ряд фур стоял на окраине промзоны — далёкой, тёмной, без фонарей. Водители курили, обсуждая рейс, цены на топливо, дороги. Из группы отделился мужчина средних лет — ВОДИТЕЛЬ, в потёртой куртке, с обветренным лицом. Нервно оглядывался. Идёт к старому фургону — «Мерседесу» без логотипа.

Из тени вышел Хмель. Появился бесшумно, как тень, — и водитель вздрогнул, когда услышал голос.

— Сергей Иванович?

Водитель обернулся. Побледнел.

— Вы кто? Что вам нужно?

Хмель протянул конверт. Толстый, плотный.

— Работа. Нужно забрать посылку. Адрес написал. Оставьте в указанном месте. Ключи бросите в почтовый ящик соседнего дома. В конверте половина суммы. Остальное получите переводом завтра.

Водитель взял конверт. Заглянул внутрь. Глаза расширились.

— Здесь... много.

— За риск, — сказал Хмель. Голос не изменился — ровный, как бетонная стена. — Там просто коробка. Ничего криминального. Но если вас остановят или вы решите проявить любопытство...

Он достал телефон. Показал экран. Фотография: девушка-студентка, идущая по улице, рюкзак за спиной. Дочь водителя.

— Вы знаете, где живёт ваша дочь. Вы поняли задачу?

Водитель побледнел ещё сильнее. Судорожно кивнул. Хмель исчез в темноте так же бесшумно, как появился.

Фургон ехал по ночному шоссе. Сергей Иванович одной рукой держал руль, другой сжимал конверт с деньгами. Он не знал, что в коробке на пассажирском сиденье. Не хотел знать. Но думал. Думал непрерывно, и мысли были хуже любого содержимого — потому что он не мог их остановить.

Он поглядывал на коробку. Большая, картонная, заклеенная скотчем. Тяжёлая. Не дрожит на ухабах — значит, что-то плотное. Или жидкое. Или...

Он отвернулся от коробки и посмотрел в зеркало заднего вида. За ним — темнота, редкие фары, снег. Никого. Но ему казалось, что за ним следят. Что Хмель где-то рядом. Что та фотография — не просто угроза, а обещание.

В штабе Шестого отдела команда работала на пределе. Лера взламывала транспортные базы. Артём анализировал финансовые потоки. Фокин возился с пробами, которые привёз из Москвы, пытаясь определить состав «красной партии». Воронцов сидел в своём кресле, скрестив руки, и смотрел на карту.

Ирина стояла у видеостены. На ней — карта Новосибирска, с точками: место исчезновения Синицына, логистический центр, старый литейный завод. Три точки — три загадки.

Воронцов встал, подошёл к кофеварке, налил себе чашку. Вернулся к столу. Молча. Ирина знала: когда он молчит, он думает. Когда он думает, он уже видит ответ — просто ещё не готов его назвать.

Артём вдруг поднял голову от монитора.

— Смотрите! Активность на счетах фирмы-пустышки — той самой, что получала контракт на трассу — выросла втрое за последние сутки. Крупные переводы дробятся и уходят мелкими суммами на десятки разных счетов. Это похоже на оплату услуг. Или закупку чего-то. Что-то крупное, что-то срочное.

— Закупку чего можно скрыть таким образом? — спросила Ирина. — Химикаты для лаборатории?

Воронцов отпил кофе.

— Нет. Слишком масштабно. Это не закупка. Это подготовка. Они ждут поставку. Или кого-то. Лера, пробей все крупные транспортные компании города. Кто сегодня ночью везёт что-то ценное?

Лера не обернулась.

— Работаем. Это как искать иголку в стоге сена.

— Так ищи быстрее, — сказал Воронцов.

Сергей Иванович подъехал к заброшенному промышленному объекту на окраине. Ворота приоткрыты — не скрипят, смазаны. Внутри темно. Запах ржавчины и старого бетона. Он занёс коробку внутрь, оставил в указанном месте у дальней стены, за выступом. Руки тряслись.

Он боялся не коробки — он боялся тишины. Тишина здесь была неправильная, как в комнате, где кто-то ждёт.

Когда он вернулся к машине, перед фургоном стояли трое в масках.

— Спасибо за доставку, Иваныч, — сказал голос из темноты.

Сергей попытался бежать. Не успел — короткая борьба, глухой удар, и темнота поглотила его. Тело водителя затолкали в его же фургон. Двери захлопнулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.